

Нарративы и понимание экономических институтов

Вячеслав Витальевич Вольчик

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: volchik@sfedu.ru

Цитирование: Вольчик, В. В. (2020). Нарративы и понимание экономических институтов // *Terra Economicus*, 18(2), 49–69. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-49-69

В современной экономической теории нарративы стремительно набирают популярность как объект исследования. Полезность нарративов для экономистов объясняется их вездесущностью и доступностью, с одной стороны, и важностью для объяснения экономических феноменов наряду с традиционным моделированием – с другой. Благодаря нарративам экономисты получают большой пласт данных, которые можно использовать для построения более полной картины экономического развития и институциональных изменений. В рамках недавно возникшей нарративной экономики исследования историй пока нечасто ассоциируются с исследованиями институтов. В данной статье нарративы рассматриваются как важный источник данных и знаний о релевантных институтах как правилах, структурирующих повторяющиеся социальные взаимодействия. Анализ нарративов позволяет получить новое, более глубокое понимание институтов и их роли в меняющихся экономических и социальных условиях. Истории не просто отражают действительность через субъективное восприятие акторов; можно сказать, что с помощью историй происходит «упаковка» идей (морали), релевантных для структурирования повторяющихся социальных взаимодействий. Поэтому важным является вопрос о структурных элементах нарративов и их операционной значимости для объяснения экономических феноменов. В рамках данной работы предполагается, что структура нарратива состоит из трех элементов: идеи (морали), контекста (исторического, культурного, социального) и действующего лица. Нарративы в их связи с институтами могут рассматриваться как сценарии, которые согласуются с яркими событиями и выраженным объяснением тех или иных социально-экономических феноменов. С помощью предложенного подхода к исследованию нарративов и институтов проводится анализ историй, содержащихся в глубинных интервью, для объяснения механизмов функционирования институциональных ловушек в сфере образования и науки.

Ключевые слова: институциональная экономика; нарративная экономика; поведенческие паттерны; институциональные ловушки; сфера образования и науки

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-010-00581 «Институциональные ловушки оптимизации сферы образования и науки».

Narratives and understanding of economic institutions

Vyacheslav V. Volchik

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: volchik@sfedu.ru

Citation: Volchik, V. V. (2020). Narratives and understanding of economic institutions. *Terra Economicus*, 18(2), 49–69. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-49-69

The increasing popularity of narrative analysis can be partly explained by ubiquity and accessibility of narratives for the economists. Important role of narratives in identifying behavioral patterns and understanding socio-economic phenomena is another feature of the narrative research. The narratives can provide valuable information for a more detailed overview of the economic development and prospective institutional change. Within the framework of the narrative economics narrative research is still not commonly associated with the institutional research. This article treats narratives as an important source of data and knowledge about relevant institutions. Narrative analysis provides a new, deeper understanding of institutions and their role in shaping social and economic interactions. Stories do not simply uncover evidence relying on the actors' personal experiences and subjective perceptions. It can be said that the stories "wrap up" the ideas (morality) related to structuring repeated social interactions. Therefore, the narrative structure, as well as the essential elements of meaning, actually matter for explaining economic phenomena. Within the framework of this research, the narrative structure is suggested as including three elements: ideas (morality), context (historical, cultural, and social), and actor. Being closely tied to institutions, narratives can be treated as the scenarios that are consistent with outstanding events and thorough explanation of socio-economic phenomena. This research uses the narrative approach to analyze the in-depth interviews and to identify and explain the institutional traps in the field of education and science.

Keywords: institutional economics; narrative economics; behavioral patterns; institutional traps; education and science

Acknowledgment: This publication has been prepared in the framework of the project funded by the Russian Foundation for Basic Research (project № 18-010-00581) "Institutional traps of optimization of the sphere of education and science".

JEL codes: B52, Z10, Z13

Постановка проблемы

Человек изменяет окружающий мир. Такие изменения все больше угрожают и самому человеку, и человеческой цивилизации, и даже существованию планеты Земля. Человек может почти все, однако остаются вопросы, ответы на которые даются непросто. Один из таких вопросов – как получить достаточное и прочное понимание законов развития человеческого общества. Неадекватное понимание социальных законов привело в XX в. к значительным потрясениям, и угроза новых потрясений вполне реальна.

Сложности с пониманием законов человеческого общества проистекают из самой природы таких законов. Эти законы совсем не похожи ни на физические законы, ни даже на законы, которые составляют системы права. Специфика человеческого общества и взаимодействий людей состоит в том, что такие взаимодействия не предполагают внеисторических констант (Мизес, 2005: 56), например таких, как постоянная Планка, и общих или даже специальных законов, выполнение которых не зависело бы от адаптивного поведения людей в процессе эволюции. Относительно человеческих взаимодействий в обществе мы скорее можем говорить о мягких законах или закономерностях, имеющих историческую, культурную, сложную и адаптивную природу.

Понимание закономерностей развития общества зависит от осознания и понимания человеком самого себя – особенностей сознания, познания и мышления. Нейронауки и когнитивные науки продвинулись очень далеко в объяснении работы мозга и человеческого сознания и познавательных процессов. Мы все лучше понимаем физические нюансы функционирования человеческого мозга, но такое понимание часто существует вне связи с теориями и пониманием закономерностей взаимодействий людей в обществе. Механический перенос физических и биологических теорий для объяснения функционирования общества и экономики имеет богатую историю и не менее богатое настоящее (Mirowski, 1984; Mirowski, Nik-Khah, 2017). Однако такой перенос по ряду причин имеет большие ограничения в своей объяснительной силе. Чтобы понять и объяснить социальные взаимодействия, мало их свести к элегантным построениям естественных наук. Ограничения для такого переноса могут быть не только значительными, но даже непреодолимыми. Но это не значит, что взаимодействие и обмен концептами и теориями между естественными и социальными науками невозможны. Просто такой обмен тоже требует значительных затрат на исследование его особенностей и достижение понимания специфики и закономерностей такого обмена.

Понимание закономерностей социального мира не может не включать вопроса о повторяющихся взаимодействиях между людьми. Длющиеся и структурированные во времени и пространстве взаимодействия между акторами, прежде всего, основаны на привычках (Hodgson, 2003). Привычки связаны особенностями использования физических технологий, ресурсов, а также постоянно усложняющегося социального наследия, которое можно назвать культурой (Вольчик, 2016).

Привычки, существуя во времени, отражаются в разговорах, дискурсах и историях, которые используются для коммуникации между людьми. Восприятие привычек акторами связано с формированием правил. По мере развития социальных порядков правила и нормы, наряду с привычками, становятся основным конструктом для структурирования повторяющихся взаимодействий. Необходимо отметить, что в рамках социальных наук трудно говорить о правилах, нормах и привычках, не принимая во внимание субъективных трактовок и оценок, которые делают акторы в процессе повторяющихся взаимодействий.

Социальные порядки в своей эволюции постоянно усложняются: изменяются способы ограничения насилия, реализации власти и регламентации хозяйственных взаимодействий. Постепенно в ходе социальной эволюции правила и нормы складываются в институты. В этом процессе определяющую роль играют механизмы обеспечения выполнения правил и норм, которые, в свою очередь, тесно связаны с регламентацией насилия и формами осуществления политической и экономической власти (North, Wallis, Weingast, 2009).

Можно сказать, что институты – это знание о правилах, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми. Безусловно, правила в явной или неявной форме связаны с механизмами принуждения для их выполнения. Данное определение связано с определением Д. Норта (North, 1989: 1321) с одним лишь небольшим отличием в трактовке институтов: правила связываются со знанием. Правила являются социальным конструктом, который познается через их субъективное восприятие в

процессе социальных взаимодействий. Поэтому правила не могут исследоваться как объективно существующие артефакты без учета их субъективного восприятия акторами. Даже формальные правила, которые составляют писаное право, требуют трактовки и толкования в процессе правоприменения. Во времени знание, связанное с пониманием правил, меняется, даже если формально правила остаются неизменными. Таким образом, рассматривая правила и нормы как ключевой элемент институтов, мы должны связывать их со знанием, которое, в свою очередь, связано с субъективным восприятием этих норм и правил.

Другим важным вопросом является сам процесс получения знания и информации о правилах и нормах, составляющих институт. Здесь мы сталкиваемся с несколькими проблемами: во-первых, в связи с субъективным восприятием информации, во-вторых – в связи со сложностью получения информации, в-третьих – в связи с разбросом интерпретаций правил и норм, исходя из различных социальных, экономических, политических и культурных контекстов.

Получение знания среди прочего связано также с рассказыванием и считыванием историй. Истории, или нарративы, являются не просто отражением реальности – это составные части, которые формируют наше мышление и наше выраженное отношение к тем или иным событиям. Надо учитывать, что согласно современной нейронауке «Индивидуум в его субъективном мире не отражает окружающую среду; он отражает его взаимодействия с окружающей средой на основе его целей, намерений, прошлого опыта, предыдущих успехов и потерь и т.д.» (Alexandrov, Krylov, Arutyunova, 2017: 397). Вместе с нарративами и посредством «считывания» их в результате социальных взаимодействий формируются поведенческие паттерны или гипотезы, которые использует мозг для анализа и отображения в сознании «объективной действительности». Поэтому нарративы не только отражают существующие феномены. Истории могут обогащаться нашим воображением с включением вымышленных элементов, соотносящихся с нашим опытом и имеющимися гипотезами. И потому в процессе социальных взаимодействий благодаря накопленным поведенческим паттернам мы воспринимаем совокупности явлений как релевантные или нет.

Значимость нарративов в экономических исследованиях

Роль историй в понимании социальных взаимодействий долгое время недооценивалась экономистами, которые концентрировали свое внимание на феноменах, которые они воспринимали как более объективные. Однако в рамках некоторых течений в экономической науке роль историй и дискурсов всегда имела большое значение для понимания экономических процессов. Прежде всего, таким течением был и остается исходный институционализм (*original institutional economics, OIE*) (Ефимов, 2016).

Истории, или нарративы, дают очень богатый материал для исследователей социальных взаимодействий. Именно в историях мы можем найти описание субъективного понимания правил и закономерностей взаимодействий в контексте более «объективных» контекстов, связанных с исторической и культурной спецификой. Для экономической теории истории могут служить материалом, необходимым для более глубокого понимания различных социальных аспектов экономического выбора. Если мы наблюдаем повторение похожих сюжетов в историях различных акторов и объяснений тех или иных экономических событий, то мы можем прийти к обобщениям, которые могут быть полезны для выявления используемых правил и норм и их влияния на повторяющиеся экономические взаимодействия. И здесь необходимо отметить, что для исследователя очень важным является понимание интерпретации акторами различного рода входящей информации. Особенности такой интерпретации являются ключом для понимания того, как формируются и на чем основываются рабочие гипотезы и поведенческие паттерны, которые используют акторы при адаптации к изменениям.

Нарративы, таким образом, становятся наряду с привычками важным источником и фактором для объяснения различных взаимодействий, связанных с конкуренцией и сотрудничеством. Истории не просто отражают действительность, они несут в себе также отражение структуры и содержания субъективных поведенческих паттернов акторов. Можно сказать, что с помощью историй акторы «упаковывают» идеи, которые имеют значимость для процесса структурирования повторяющихся социальных взаимодействий.

Нарративы традиционно связывают с проблемой сюжета. В таком контексте нарратив не существует без сюжета и конкретных акторов (героев) (Тамбовцев, 2019; 2020). Также в социальных науках есть определенное соглашение по поводу необходимых составных частей нарративов, которые являются их отличительными признаками: событие, действие, герой, сюжет (Czarniawska, 2004: 7–9). Похожий подход к нарративам присутствует и в более поздней литературе, близкой к эволюционной экономике, где истории имеют определенные общие структурные элементы: ограниченный набор действующих лиц, причинно-следственные цепочки событий, связанные с определенной динамикой, которая концентрируется на «сюжете», т.е. ситуации, в которой причинно-следственные цепочки сходятся и создают смысловой вывод (Herrmann-Pillath, Bau Macedo, 2019: 6).

Вышеприведенные трактовки нарративов подчеркивают важность наличия героя, причинно-следственных цепочек (событие и действие) и – главное – сюжета, который связан со смысловым выводом. Но в операционных целях такая трактовка нарративов может быть избыточной, например, при отсутствии одного из указанных элементов. Поэтому в рамках нарративной экономики (*narrative economics*) мы встречаем более упрощенные определения нарративов. Дж. Акерлоф и Р. Шиллер в своей книге *Spiritus Animalis* много внимания уделяют историям, которые имеют большое значение в экономических и политических дискурсах. И они дают следующее определение: «Человек склонен мыслить нарративами – цельными цепочками событий, имеющими внутреннюю логику и динамику. Наши действия определяются историей нашей жизни, которую мы рассказываем сами себе» (Akerlof, Shiller, 2009: 51). В другой работе Дж. Акерлофа и Д. Сноуера мы находим уже несколько иное определение нарративов: «Мы можем охарактеризовать “нарратив” как последовательность связанных причинной связью событий и лежащих в их основе источников, разворачивающихся с течением времени, которые могут быть использованы в качестве шаблона при интерпретировании нашего настоящего опыта. Нарративы представляют собой упрощенные резюме событий, которые, как правило, имеют решающее значение для вопросов баланса – между потребностями индивида и социальной группы, между материальными и нематериальными устремлениями, между личным интересом и альтруизмом, между человечеством и природой и так далее. Эти вопросы имеют ключевое значение, поскольку нарративы неявно предполагают, что баланс в этих сферах играет важную роль для благосостояния человека» (Akerlof, Snower, 2016: 58–59). И наконец, изобретатель термина *narrative economics* Р. Шиллер дает свое оригинальное определение: «Термином “нарратив” я обозначаю просто историю или просто выраженное объяснение событий, которые многие люди хотят затронуть в разговоре, или в новостях, или в социальных медиа, потому что они (нарративы) могут использоваться для стимулирования заинтересованности или эмоций других людей, и/или потому, что, как представляется, они развивают личный интерес. Чтобы выполнять стимулирующую функцию, обычно на него направлен интерес человека, прямой или подразумеваемый. Я (и многие другие) вкладываю в этот термин такой смысл, что нарратив видится как драгоценный камень разговора и может принимать форму необычной или героической истории или даже шутки» (Shiller, 2017: 968). Все приведенные определения имеют общие моменты, относящиеся к нарративам: шаблонизация событий (вплоть до мемов), отраженных в социальном контексте, и акцентированное или выраженное объяснение

событий, стимулирующее эмоции и заинтересованность. К моему пониманию нарративов наиболее близко подходит более поздняя по времени трактовка нарративов Р. Шиллером: «Термин “нарратив” часто используется в качестве “истории”, какой-то последовательности событий. Однако слово это имеет и другой важный аспект. Нарратив – это рассказывание истории, которое придает ей смысл и значимость и зачастую направлено на то, чтобы преподать урок или извлечь мораль. Будучи сравнен с историей (story), нарратив может стать интерпретацией происходящих событий. Если говорить о нарративах в сфере экономики, нарратив может представлять собой протоэкономическую модель, доступную для понимания широкой общественности» (Shiller, 2019a: 477). В этом определении Шиллера наиболее важными элементами нарратива представляются мораль и протоэкономическая модель, «упакованная» в доступную для понимания форму. Поэтому через нарративы можно продвигать и распространять экономические идеи и модели, которые благодаря доступной форме могут завоевать умы большого количества людей.

Как и сюжеты произведений, которые могут быть сведены к ограниченному количеству вариантов, так и нарративы для определенных видов взаимодействий могут состоять из относительно небольшого количества строительных блоков. Отражая опыт через нарративы, мы в них комбинируем эти строительные блоки. Биологические аналогии и редукция базовых поведенческих гипотез и шаблонов к базовым элементам типа ДНК имеют значительные ограничения для социальных наук. Эти ограничения, с одной стороны, связаны с отсутствием, как уже отмечалось, констант и жестких законов в социальных науках, а с другой – с искусственным характером (в понимании искусственного Г. Саймоном (2004)) развивающихся человеческих сообществ, обусловленным социальным конструированием реальности (Бергер, Лукман, 1995). Для понимания важных социальных взаимодействий экономистами могут быть полезны нарративы из художественных произведений (Sacco, 2020). Хороший нарратив – это «маркетинговая» упаковка идеи (например, как тост на Кавказе).

Эти базовые основы историй связаны с базовыми гипотезами и поведенческим паттернами. Например, в любом литературном произведении можно выделить сюжетные линии, которые затем можно свести к поведенческим шаблонам и правилам, а шаблоны потом – к типам базовых взаимодействий между людьми. Однако такая редукция будет мало полезна в объяснении сложной картины социального мира, которая отражена в произведении. Обратная реконструкция от базовых элементов к сложным взаимодействиям вряд ли возможна. Но описание элементов может помочь объяснить формирование новых взаимодействий для будущих социальных ситуаций.

Чем сложнее взаимодействия, тем сложнее будут формироваться базовые элементы как результаты мутаций. Поэтому шаблоны и гипотезы, которые мы используем для фильтрации информации и понимания окружающего мира, должны соотноситься с формами и сложностью социальных взаимодействий. Таким образом, нарративы отражают мнения людей относительно действий, а не сами действия. Как и наши поведенческие гипотезы и паттерны являются нашими инструментами кодификации опыта, а не самими объективными фактами социального мира. Акты индивидуального поведения поэтому наблюдателем воспринимаются через призму его накопленных гипотез и паттернов или их комбинаций, что может объяснить интерпретацию и переинтерпретацию актов поведения через их субъективное восприятие.

Поэтому, говоря о нарративах как об определенных «контейнерах» идей, связанных с подчеркнуто выраженными социальными (культурными, политическими, экономическими) контекстами, мы акцентируем внимание на возможности с помощью нарративов создавать легко усваиваемые гипотезы и поведенческие паттерны, необходимые для получения релевантной информации в тех или иных видах социальных взаимодействий.

Безусловно, очень важно отталкиваться от строительных блоков, которые конвенционально составляют нарратив: событие, действие, герой, сюжет, но в рамках новых

соглашений в операционных целях, я думаю, возможны изменения. Для операционных целей можно также использовать иные строительные блоки нарратива: идея (мораль), контекст (исторический, культурный, социальный), действующее лицо (которое может быть даже виртуальным или вымышленным или которого может не быть вовсе). Проблема в том, что само понятие сюжета может быть сведено к ограниченному количеству схем, которые могут укладываться как в понятие контекста, так и понятия морали-идеи.

Идеационная составляющая нарративов также связана с возникновением социальных привычек и правил (Вольчик, Маслюкова, 2018). Создание и распространение идей происходит наряду с развитием политических, экономических и иных теорий, которые по мере их распространения получают признание все большего количества акторов. Как отмечали и Кейнс, и Хайек, влияние идей на общественное развитие нельзя недооценивать (Кейнс, 2007; Науек, 2013). Однако временной интервал от создания теории до ее реализации в политике и социальных институтах может быть довольно большим. Упаковка идеи в хороший нарратив может способствовать ее более быстрому распространению.

Нарративы, институты и социальная коммуникация

Нарративы можно рассматривать как особого типа способы передачи информации. Они используются для коммуникации в обществе, а также для трансляции взглядов, убеждений и идей акторов. В нарративах могут быть отражены не только социальные реалии, но также желательные будущие действия, которые могут быть связаны с дискурсивной реализацией власти (ван Дейк, 2013: 58–59). Таким образом, через нарративы могут транслироваться идеи, отражающие интересы властных групп. Использование нарративов для трансляции идей носит политически окрашенный характер и в случае сопровождения мер экономической политики, например, связанных с «непопулярными реформами». В таком контексте для институциональных экономистов важной задачей является исследование генезиса и эволюции идей в их связи с институтами.

Экономические теории довольно часто трансформируются в идеологические конструкции. Идеи, постепенно распространяясь, могут не ассоциироваться явно в широком общественном мнении с породившими их теориями. Связи между теориями и идеями могут быть также взаимными, что связано с их совместной конволюцией. Примером такого симбиоза теорий и идей могут служить, например, теории австрийской школы и идеи неоллиберализма (Nureev, Volchik, Strielkowski, 2020). Поэтому в отношении экономической политики мы можем рассматривать такую последовательность: теории, идеи, институты, нарративы. Нарративы в таком контексте выполняют роль «переносчика» в доступной для понимания широких масс населения концептов, составляющих содержательную составляющую идей, правил и институтов.

Распространение идей порождает мнения и дискуссии как в политической среде, так и в среде интеллектуалов. Однако дискурсы в профессиональной среде очень ограниченно способствуют распространению идей. Для того чтобы идеи завладели массами, необходимы не только фигуры известных интеллектуалов или знаменитых публичных персон, но также истории, которые могли бы быть повторены обычными людьми в процессе профессиональной деятельности и повседневных взаимодействий. Нарративы являются также важным элементом сетевого взаимодействия как в электронных сетях, так и в спонтанно образующихся локальных группах. Анализ множества нарративов на микроуровне может выступать значимым фактором при принятии решений, например, в денежно-кредитной политике (Holmes, 2019).

Важным вопросом для проведения исследований институтов является вопрос о том, какое влияние оказывают нарративы на формирование институтов, создающих среду для различного рода повторяющихся социальных взаимодействий. При клас-

сификации типов социальных взаимодействий можно отталкиваться от концепции К. Поланьи (2002). В современном мире экономические взаимодействия могут быть отнесены к рыночным обменам, перераспределению и реципрокности, и каждый вид взаимодействия, в свою очередь, может быть связан с нарративом или совокупностью нарративов. В таком случае исследование нарративов необходимо для улучшения понимания содержания и роли конкретных правил и институтов.

Через истории акторы транслируют свое понимание правил, которые существуют в конкретном социальном, политическом и экономическом контекстах. Важность исследования нарративов обусловлена еще и тем фактом, что субъективное понимание правил влияет на предпочтения, и не только в экономических обменах. Через истории мы можем лучше понять, как транслируются и изменяются во времени значимые для широкого круга лиц правила и привычки.

Во времена социальных сетей и электронных средств массовой информации скорость распространения нарративов значительно увеличилась. Более того, технологии изменяют ощущение и восприятие времени у акторов (Wajcman, 2015). В таких условиях повышается вероятность того, что, сталкиваясь с фейковыми новостями и нарративами, акторы будут иметь субъективно меньше времени на проверку и критическое осмысление информации, которая в них содержится. Цифровая среда, таким образом, влияет на процессы адаптации к изменениям, что тоже можно проследить, изучая нарративы.

Через нарративы можно получить информацию о комплементарности правил, рутин и институтов в различных типах повторяющихся социальных взаимодействий. Комплементарность институтов чаще всего рассматривается в рамках анализа иерархии и взаимодополняемости институтов в пределах институциональной структуры экономики (Amable, 2000). Также комплементарность институтов может рассматриваться в рамках организации возникающих видов взаимодействий, например, новых научных направлений, деятельность которых связана с формированием новых интегративных сетевых и организационных структур, причем нарративы могут быть маркерами комплементарности (Bonaccorsi, 2010).

Нарративы также служат релевантным источником информации об организационных изменениях (Strambach, Pflitsch, 2020). Однако остается открытым вопрос об источниках таких нарративов. В открытых источниках мы не найдем достаточного количества историй, связанных с одной организацией или совокупностью организаций. Для получения нарративов, необходимых для анализа организационных изменений, требуется проведение полевых исследований с использованием качественных методов, таких как глубинные интервью, полуструктурированные интервью и групповые фокусированные интервью (фокус-группы). Исследование качественных данных, полученных в одной организации или совокупности связанных организаций, может быть полезно не только для идентификации специфических рутин, но также и для обобщений и сравнений с нарративами в открытых источниках.

Анализ нарративов как способов коммуникации в процессе повторяющихся взаимодействий связан с важным вопросом о том, что способствует частому использованию нарратива. Способность нарративов воспроизводиться через повседневную и профессиональную коммуникацию зависит от множества факторов, среди которых можно выделить привычность, связанность со значимыми событиями для акторов и их идентичностью (Shiller, 2019b), а также апелляцию к привычным культурным и литературным паттернам. Повторяемость нарративов связана с формированием привычек, которые, в свою очередь, часто рассматриваются в рамках исходного институционализма в их связи с институтами (Hodgson, 1997; 2004). Поэтому, исследуя тексты и дискурсы, содержащие нарративы, важно выделять элементы, связанные с привычками, правилами в контексте специфической экономической, социальной, профессиональной и культурной среды. Через истории акторы транслируют свое понимание правил

и привычных для них взаимодействий, что можем быть полезным для более глубокого понимания функционирования организаций в различных сферах деятельности.

В экономической теории анализ нарративов дополняет количественные исследования и формальное моделирование. Через нарративы мы получаем более полное понимание того, как акторы осуществляют экономический выбор в том или ином социальном контексте. Особую роль нарративы играют в плане объяснения правил и институтов, так как в историях акторы в явной или неявной форме дают обоснование своих действий как желательных или возможных в той или иной экономической ситуации. Безусловно, нарративы связаны с субъективным восприятием действительности акторами. Однако через последовательную реконструкцию описаний повторяющихся взаимодействий можно проследить, как происходит формирование и изменение правил и институтов. Можно сказать, что нарративы являются важным источником информации об объективной действительности, преобразованной через осмысление индивида. Как отмечали Бергер и Лукман, «Важно иметь в виду, что объективность институционального мира – сколь бы тяжелой ни казалась она индивиду – созданная человеком, сконструированная объективность» (Бергер и Лукман, 1995: 102). Признание эволюционного характера возникновения и изменения социальных норм не является отрицанием их искусственной природы (Саймон, 2004) как результата адаптации к изменяющейся социальной и физической среде в процессе социальных взаимодействий.

Через нарративы происходит структурирование последовательных событий, которые воспринимаются нами через призму категорий впечатлений (*dramatic categories*). Нарративы транслируют сценарии социальных взаимодействий (Searle, 1995). Чем с более ярким опытом ассоциируются нарративы в нашем сознании, тем больше вероятность, что мы будем воспринимать сценарии как релевантные для собственных экономических и социальных взаимодействий. Яркие и «вирусные» нарративы могут значительно влиять на наши потребительские и инвестиционные предпочтения, что отражается на принятии решений и конкретных экономических выборах. Таким образом, нарративы можно рассматривать наряду с ценами как важный фактор, влияющий на экономический выбор. Истории, которые многократно повторяются, постепенно формируют привычки, правила, а впоследствии могут служить источником формирования институтов.

В контексте возможностей широкого распространения в обществе также важно, чтобы нарративы соотносились с индивидуальной и групповой идентичностью акторов (Shiller, 2019b). Проблема идентичности, которая традиционно рассматривается в рамках социологии, после исследований Дж. Акерлофа и Р. Крэнтона (Akerlof, Kranton, 2000; 2002; 2005; Kranton, 2016) стала все больше привлекать внимание экономистов. В своих работах Дж. Акерлоф и Р. Крэнтон подчеркивают важность изучения убеждений и норм, которые влияют на предпочтения и экономическое поведение индивидов. По сути, они еще раз переоткрыли то, о чем довольно много писали представители исходного американского институционализма Т. Веблен и Дж. Коммонс (Veblen, 1992; Commons, 1990).

Понимание институтов происходит через исследования, опыт и анализ данных о них. В традиции исходного институционализма важнейшим способом исследования институтов считается интервью (Commons, 1990: 160). В исследовательских интервью, как и в других тестах, содержащих нарративы, акторы выражают свое понимание социальных процессов и правил, позволяющих социальным взаимодействиям быть регулярными. Подход, который развивается в нарративной экономической теории, во многом комплементарен исходному институционализму. Проблема скорее заключается в том, что современный мейнстрим практически игнорирует достижения и результаты гетеродоксальных теорий. И хотя многие идеи эволюционной и институциональной экономики становятся востребованными (Hodgson, 2007) в рамках новых междисциплинарных исследований, тяготеющих к мейнстриму, например, в экономике иден-

тичности или в нарративной экономике очень редко можно найти ссылки на работы гетеродоксальных экономистов.

Анализ нарративов в рамках институциональной экономики, прежде всего, направлен на выявление привычек, правил и норм, которые акторы считают релевантными в специфических ситуациях, связанных с их экономическим и социальным действием. Через нарративы мы также можем получить оценки, с точки зрения рассказчиков, об эффективности правил и институтов, исходя из их субъективного опыта.

Влияние нарративов на экономические взаимодействия тем сильнее, чем больше эти нарративы распространены в пространстве массмедиа. Немаловажно, с какой персоной из бизнес-сообщества или политической фигурой ассоциируется тот или иной нарратив (Vorins, Herst, 2018). Если, например, вы слышите или читаете интервью об экономическом и финансовом кризисе ведущих политиков, министров, известных экономистов и нобелевских лауреатов, то вы, скорее всего, в явной или неявной форме попадете под влияние рассказанных ими историй.

Нарративы из исследовательских глубинных интервью также могут дать очень важную информацию о релевантных для акторов правилах и институтах. Однако такие интервью, являясь часто анонимными, не позволяют нам апеллировать к авторитету или известности информанта. Поэтому при анализе нарративов, содержащихся в глубинных интервью, мы в первую очередь обращаем внимание на те общие характеристики социального окружения, среды и исторической специфики, с которыми информант связывает объяснение социальных и экономических взаимодействий. Безусловно, в интервью мы сталкиваемся с субъективным пониманием правил индивидов. Однако повторение в дискурсах историй об одинаковых правилах в сопоставимой социально-экономической среде позволяет рассматривать их как релевантные по отношению к изучаемому институциональному феномену. Поэтому при анализе тех или иных социальных взаимодействий мы должны учитывать, что они являются искусственными конструктами, которые невозможно отделить от личностных статусных характеристик акторов, а также характеристик среды. Стремление к постижению «объективных» и «естественных» правил человеческих взаимодействий и связанных с ними законов не столько невозможно, сколько опасно потенциальной монополией идей, содержащих единственно верное понимание социальной эволюции. Очень часто такими проводниками «естественных и объективных» законов становятся государственные экономисты. Как говорил Коуз, «Желание быть полезным своим ближним – мотив, конечно же, благородный, но невозможно влиять на политику, если ты не даешь ответов. Так появились государственные экономисты, т.е. люди, которые дают ответ, даже когда ответа не существует» (Коуз, 2007: 66).

В сложных системах акторы не могут обладать всей необходимой информацией для принятия полностью рациональных решений. Для адаптации к сложности и преодоления эффекта «иррационального» поведения индивиды используют индуктивное мышление, основанное на опыте (Arthur, 1994). Нарративы могут рассматриваться как один из способов такой адаптации, в результате которой осуществляется коммуникация, контекстуализирующая действия в сложных сетях. Поэтому нарративы могут рассматриваться как средства познания и медиации коллективных действий в сложных адаптивных системах (Herrmann-Pillath, Bau Macedo, 2019: 4–5).

С помощью анализа нарративов мы получаем важную информацию о коллективных действиях и связанных с ними правилах и ограничениях. В исходном институционализме понимание и трактовка институтов, в частности, осуществляется через призму коллективных действий. В трактовке одного из основателей исходного институционализма Дж. Коммонса институты – это «коллективное действие по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия» (Commons, 1934: 73). В контексте коллективных действий можно рассматривать культурные нарративы (cultural narratives), которые связаны с формированием общественного мнения, культурны-

ми сценариями и социальными движениями. Нарративы могут эволюционировать до форм, которые можно отнести к мемам или даже хештегам (Dawson, 2020). В виде мемов нарративы могут использоваться политиками или иными публичными фигурами для продвижения политических и иных идей в рамках политического процесса (Mukand, Rodrik, 2018: 3).

Примеры нарративов о реформах в сфере образования и науки

В рамках нашего исследования «Институциональные ловушки оптимизации сферы образования и науки» мы на основе собранных качественных данных (нарративов из СМИ, глубинных интервью) выявили ряд институциональных ловушек. Под институциональными ловушками мы понимаем стабильно существующие неэффективные или субоптимальные институты. Такая трактовка институциональных ловушек в целом согласуется с отечественной исследовательской традицией (Полтерович, 1999; Балацкий, 2005).

В ходе анализа нарративов в средствах массовой информации были рассмотрены следующие типы документальных источников: письменные высказывания на интернет-форумах, посвященных проблемам оптимизации в сфере образования и науки, скопированные со специализированных сайтов; развернутые цитаты, приведенные авторами тематических статей в публицистических изданиях или авторами научной литературы в изданных книгах / научных статьях, посвященных изучению проблемы оптимизации в сфере образования и науки. Для анализа открытых источников информации (СМИ) использовался информационный ресурс «Интегрум», в котором по запросам «оптимизация образования», «реформирование образования», «реформирование науки» за период с 2010 г. по октябрь 2018 г. найден 4591 документ.

В ходе исследования было проведено 20 глубинных интервью. Отбор респондентов осуществлялся до точки насыщения (Квале, 2003: 106–108) методом построения экспертной сетевой выборки (peer-referrals constituting network sampling), являющейся разновидностью неслучайной целевой выборки (targeted samples) (Бейкер et al., 2016: 74), среди сотрудников, работающих по следующим направлениям науки и образования: естественнонаучному и физико-математическому (7 интервью); гуманитарному и социально-экономическому (7 интервью); инженерному (2 интервью); в области психологии и педагогики (2 интервью); в области архитектуры и искусства (2 интервью). В зависимости от занимаемой должности респонденты распределены следующим образом: 3 старших преподавателя, 7 доцентов, 5 профессоров, 2 младших научных сотрудника, 1 научный сотрудник, 1 ведущий научный сотрудник, 1 главный научный сотрудник. Возрастной состав интервьюируемых следующий: относящихся к молодым ученым до 35 лет – 5 респондентов, в возрасте от 36 до 60 лет – 9 респондентов, к лицам пенсионного возраста (на 2019 г. – старше 60,5 (55,5) лет) – 6 респондентов. В ходе интервью информанты неоднократно просили сохранить анонимность их ответов, поэтому в тексте данной статьи при цитировании указывается только научное звание (должность) и возраст респондента.

В результате анализа нарративов нам удалось выделить шесть институциональных ловушек: ловушку метрик, ловушку возрастающей бюрократии, ловушку дефицита финансирования, ловушку электронизации и цифровизации, ловушку редукации качества образования, ловушку кадрового потенциала (Жук, Фурса 2019; Вольчик, Маслюкова, Корытцев, 2019). В продолжение анализа институциональных ловушек можно более подробно рассмотреть нарративы через призму подхода, предложенного в данной статье.

Развивая предложенную концепцию понимания институтов через анализ нарратива, прежде всего необходимо выделить идею или мораль (связанную с теми или иными правилами) и социальный контекст. В случае интервью действующим лицом служит интервьюируемый респондент. Поэтому при анализе текста интервью мы обращаем

внимание прежде всего на то, как интервьюируемый демонстрирует субъективное понимание идей (морали) и социального контекста, связанных с исследуемой проблемой.

Рассмотрим несколько фрагментов интервью, которые содержат нарративы об оптимизации сферы образования и науки. В приведенном ниже отрывке интервью опытный научный сотрудник рассуждает о важности академических свобод для занятия наукой. В тексте интервью буквами означены: И. – интервьюер, Р. – респондент.

И.: Что необходимо сделать, чтобы преодолеть накопившиеся проблемы в сфере образования и науки? Если бы Вы могли что-то изменить, с чего бы Вы начали?

Р.: В первую очередь молодежь должна быть заинтересована в выбранном направлении. Если у нас все хотели идти в космонавты, то это направление развивалось. Когда у нас строилось много заводов, инженерные направления развивались. А если после окончания, после получения диплома идут в продавцы, то такое направление не стимулирует. Должна в первую очередь развиваться экономика.

И.: На Ваш взгляд, это связано с тем, что структура экономики в целом не ориентирует молодежь на работу в научной и образовательной сфере?

Р.: Да, конечно. Этого нет.

И.: А как, на Ваш взгляд, было бы целесообразно изменять такую структуру экономики? Какие конкретные изменения, или, может быть, речь идет о том, что какие-то должны быть институциональные изменения?

Р.: Изменения должны быть на всех уровнях. И в первую очередь нам подошел бы китайский вариант, когда работает много малых предприятий, которые могут делать что угодно. Тогда нужны будут специалисты любые, будет развиваться экономика и расти ВВП. А у нас сейчас наоборот – слишком большой контроль. Слишком много контролирующих органов, которые проверяют те же самые малые предприятия. От них достается и вузам, тоже от контролирующих. И в результате нет стимула к развитию производства. У нас подъем был, когда при перестройке разрешили кооперативы. Пока чиновники не опомнились, что кто-то получает больше, чем они сами, и не стали подгрести под себя все.

И.: То есть, на Ваш взгляд, свободное предпринимательство способствовало бы развитию экономики и формированию более пропорциональной структуры?

Р.: Конечно, у нас должна быть свобода предпринимательства, а не находиться вечно под мечом постоянных проверок, постоянных штрафов. Всякие пожарники, санэпидстанция, прочее. Органы, которые проверяют все, вплоть до отвертки.

И.: А на Ваш взгляд, в сфере образования и науки как-то можно было бы реализовать тоже идеал отчасти свободного предпринимательства?

Р.: Наука всегда развивалась в вузах, потому что здесь разрешались свободные идеи в своей области. Расширять направления, смешивать направления науки, разносторонние подходы. И позволялось реализовывать хотя бы малым фирмам, делать какие-то исходные новые реакции, новые материалы. То же самое роботостроение развивалось в вузах. А сейчас спохватились, что роботов у нас нет, потому что все это направление не финансировалось.

И.: То есть академические свободы, может быть, могли бы способствовать?

Р.: Да. Чем больше свободы, тем больше творчества.

И.: Какова, на Ваш взгляд, ситуация с академическими свободами? Они отчасти присутствуют какие-то?

Р.: Да, отчасти присутствуют. В принципе, если человек развивает тематику новую, если он это делает в рабочее время, то это уже уголовная ответственность. В свободное от работы время можно. Но можно запретить и в свободное от работы время, тогда у нас полностью наука остановится.

И.: Как Вы относитесь к попыткам иногда регулировать даже научный процесс исследования? Например, обязывают ученых сидеть в здании с какого-то по какой-то час и не выходить, отчитываться о посещаемости каждый день и так далее.

Р.: Вот эти жесткие рамки характерны для военных и полувоенных организаций. А сидеть от и до – для научного работника это нехарактерно. Он может сидеть день и ночь, когда у него что-то получается, но после этого ему нужно отдохнуть, и не обязательно приходить, не выспавшись, к девяти утра. Поэтому должно быть какое-то свободное время, но контроль – по результатам. Результаты, конечно, важны. Эти результаты должны восприниматься и контролироваться научным сообществом. Это будет стимулировать (*ведущий научный сотрудник, 71 год*).

В приведенном отрывке основная идея, что избыточный контроль вредит науке, поэтому необходимы академические свободы для стимулирования инициативы. Для подтверждения и «выраженного объяснения событий» респондент встраивает свои идеи в социальный контекст. Респондент использует ассоциации с конкуренцией в экономике, апеллируя к историческим примерам: «перестройки, когда разрешили кооперативы» и «китайского варианта» развития рыночной экономики. Эти примеры служат для иллюстрации благоприятных эффектов ослабления контроля, в результате которого развивается производство и научные исследования, потому что на них появляется спрос. Респондент противопоставляет излишний контроль, с одной стороны, ответственности и креативности работников вузов – с другой. Приводя еще пример полувоенного контроля, респондент делает основной вывод, что контроль должен осуществляться со стороны научного сообщества. Примеры и отсылки к различным социальным контекстам в приведенном примере служат для выраженного объяснения в доступной и понятной форме главной идеи. Исходя из нашей интерпретации этого нарратива, мы отнесли его к объяснению институциональной ловушки «возрастающей бюрократизации».

Другим примером нарратива, характеризующим эту же ловушку возрастающей бюрократизации, является отрывок из интервью профессора, имеющего огромный опыт и высшую квалификацию в своей области науки: «...за последние годы происходило это нарастание всевозможных отчетных процедур, но только в одну сторону идет и никаким образом не меняется. И вообще, это меня поражает вот в каком отношении: я профессор, значит, работаю здесь по конкурсу, простите, перед кем я должен отчитываться? Лучше меня тот предмет, который я преподаю, не знает никто, поскольку это признано обществом, когда меня брали на работу... меня взяли по той причине, что у меня есть характеристики такие, знания... и кому я должен отчет писать, объясните. Перед кем я должен прописать все свои лекции, вопросы, которые я буду задавать? Да не знаю я, какие вопросы буду задавать, мне в голову десятки вопросов приходят в процессе чтения лекций. И мы пишем всевозможные эти вещи, которые никому не нужны» (*профессор, 79 лет*).

В этом коротком отрывке из глубинного интервью также проводится идея о том, что кроме научного сообщества никто не может определить качество преподавателя и преподавания. Респондент использует метафору «признания обществом» как характеристику социального контекста и академической среды. Вывод респондента: требования избыточных объяснений и «всевозможных вещей, которые никому не нужны», также связаны с проблемой избыточного контроля и бюрократизации.

В следующем нарративе респондент в полемической форме раскрывает важность неявного знания и технологических цепочек для производства: «Например, есть такая ракета “Протон” – очень мощная. Эти ракеты в Москве делало КБ имени Хруничева, все хорошо было, если бы КБ не находилось в черте города, в Москве, и некоторые наши деятели решили оптимизировать работу КБ, то есть перенести производство в город Омск, а эту территорию продать под жилищное строительство или другое учреждение, я не знаю что. Так и сделали, сейчас эти ракеты было принято решение снять с производства и уничтожить. Потому что все, что делалось на этом производстве в Омске, оказалось, мягко говоря, низкого качества, и все это пришлось переделывать в Москве, а кроме того, заставьте этих работяг, рабочих высшей квалификации, из

Москвы переехать в Омск, чтобы там что-то делать. Они просто все ушли на пенсию, и все. В такой уникальной ракете документация далеко не все отражает, иметь полную документацию – все равно хороший двигатель не сделать. Там есть ноу-хау на уровне “дяди Васи”. Как где чего подмазать, пристукнуть. Это сложно отразить в технической документации, это можно увидеть только наглядно, как дядя Вася это делает. Понимаете, там в технологии есть очень много тонких мест. И поэтому наши сейчас продают в Америку двигатели, ракеты “Энергия”, и американцы на них запускают свои спутники, космические корабли. Наши двигатели они покупают больше 20 лет. Но вот-вот они прекратят покупать, так как создали похожие двигатели. Ельцин, когда продал в Америку первые 50 двигателей, заодно продал и всю технологию, и чертежи американцам. И американцы попытались сделать эти двигатели у себя. И что же вы думаете? Они до сих пор пытаются их сделать и не могут. В этих чертежах есть много таких ноу-хау, которые нужно знать конкретно. Естественно, со временем они сделают эти двигатели, но 20 лет мучаются и пока не сделали. Это я к тому, что далеко не все можно вот так просто описать, оптимизировать» (*главный научный сотрудник, 71 год*).

Главная идея вышеприведенного нарратива состоит в том, что при оптимизации не учитываются факторы неявного знания и сложившихся технологических цепочек. Автор иллюстрирует свои выводы очень ярким примером реформирования российской космической промышленности. Именно яркое и эмоциональное изложение респондентом проблемы позволяет создать эффект «выраженного объяснения событий». Таким образом, в данном нарративе в явной форме присутствуют два основных элемента: идея и социальный контекст, позволяющие акцентировать внимание на проблеме оптимизации и развития технологий.

Следующий нарратив относится к образовательной деятельности и связан по нашей классификации с институциональной ловушкой редукции качества образования. Преподаватель, деятельность которого связана с обучением творческим профессиям, приводит интересные образные примеры: «...в данный момент я чувствую себя в большей степени на конвейере... сейчас у нас сокращение, с одной стороны, сроков обучения с 3,5 до 2,5 лет, а с другой стороны – увеличение количества групп. Если раньше на 25 человек было по 3 преподавателя, то сейчас это 2 преподавателя, а на одного преподавателя может приходиться порядка 17 человек, хотя раньше это было в пределах 10. Давайте просто посчитаем: 60 минут, сколько раз можно за это время подойти к 10 студентам или 17, сколько раз можно обсудить, проговорить ситуацию с 10 или 17 студентами, то все сразу становится понятно. В этом плане я чувствую, что я нахожусь на некотором конвейерном производстве, то есть у меня есть вот количество часов, вот такое количество времени и мне надо за этот отрезок все это успеть... еще раз хочу пояснить, что на специальности, которые называют творческими, креативными, на развитие чего-то такого нестандартного, креативного у нас нет времени. Более того, не скажу, что могу чему-то серьезному их научить, потому что на самом деле я просто развиваю, усложняю те навыки, с которыми они пришли. То есть что-то реальное, чтобы перейти на следующий уровень, мне кажется, не получается, а развивается только то, с чем они пришли... Я относительно приспособилась, все-таки я член семьи, не могу сказать, что занимаюсь выживанием с военной точки зрения, хотя все относительно нестабильно, но терпимо, скажем так. Но у меня возникло ощущение, что меня... (я даже образ нашла) укачивает, потому что казалось, что я стою у конвейера и должна этим всем заниматься, и от однообразия задач меня укачивает» (*доцент, 51 год*).

В приведенном нарративе идея и мораль истории дополняются метафорическим и ярким изложением, которое добавляет эмоциональную окраску к словам респондента. Метафора конвейера метко используется для характеристики ситуации потокового и шаблонизированного образования, которое отражается на креативности и качестве навыков и знаний студентов.

И в заключение рассмотрим нарратив, также связанный с институциональной ловушкой редукции качества образования. В данной истории респондент касается, в частности, модели платного высшего образования: «Дремучесть такая страшная, что начинаешь бояться за свою Родину – мы получаем настолько дикого и необразованного выпускника из школы, который только натаскан как собака на ЕГЭ и на тесты, что, когда начинаешь с ним общаться и говорить, понимаешь, что человеку нужно образовываться и образовываться, изучать. Потом такими людьми легко манипулировать, поэтому получают такие казусы, когда появляются плакаты, на которых изображен немецкий солдат-«освободитель», а там должен быть советский красноармеец. Наш студент-выпускник не отличает советского солдата, если нужна тема Великой Отечественной войны, он открывает интернет и использует первую попавшуюся картинку. И даже про начало войны мало кто знает. Иногда мы просто в шоке как преподаватели, и это доходит до отчаянья. Я уже не говорю про историю России, историю своих корней, города, очень-очень сложно. Может это повальная тенденция? Я часто задумываюсь, зачем столько студентов идет получать высшее образование? Ведь, имея высшее образование, человек должен быть интеллигентным, образованным, грамотным. Я уже не упоминаю о том, что говорят и пишут они ужасно и безграмотно, а люди получают высшее образование, а это статус, которому нужно соответствовать... с другой стороны, страшно возмущает, что они выходят, а у них требуют опыт работы. Какой опыт? Человек учиться должен, а не работать во время учебы. Он должен хорошее образование получить, а не бегать зарабатывать – они же на лекции не ходят. Какой из него будет специалист, если он не ходит? Это тоже ужасно. Я помню, у нас в советское время если ты пропускаешь 36 часов в семестр, то тебя отчисляют из университета. А у нас студент в неделю набирает 36 часов пропусков. Он приходит на сессию с квадратными глазами и говорит: «А я работаю». Когда спрашиваешь, говорит, что работает охранником, чтобы платить за учебу. Понимаете абсурд: он работает охранником, чтобы оплачивать учебу, на которую он не ходит и не учится. Он не знает элементарных вещей, вообще ничего не знает, но работает. Просто чтобы получить галочку о высшем образовании» (*доцент, 63 года*).

Респондент в данном отрывке интервью пытается осмыслить ухудшение качества подготовки студентов через снижение мотивации и включенности в сам процесс обучения. Показателен сюжет о «необходимости опыта работы» для выпускника университета. Здесь подмечен очень важный в современной студенческой среде фактор ориентации на краткосрочные цели, «зарабатывание денег» в ущерб долгосрочным перспективам, связанным с приобретением компетенций и знаний по основной профессии.

Несколько заключительных замечаний

Понимание институтов необходимо для более полного объяснения экономического выбора в контексте сложного эволюционирующего социального окружения. В исследованиях экономических институтов нарративы могут служить важным источником данных о восприятии акторами поведенческих паттернов, идей и правил, от которых зависят повторяющиеся взаимодействия между людьми. Истории, которые рассказывают люди, создают «социальный след», по которому мы можем реконструировать институты и закономерности прошлых экономических и социальных обменов.

Особенности человеческого мышления также должны учитываться при исследовании экономических институтов. В нашем сознании отражаются взаимодействия с окружающей средой. Мы воспринимаем «объективную» социально-экономическую реальность через призму гипотез, прошлого опыта и поведенческих паттернов, которые наш мозг комбинирует в процессе познания. В нарративах акторы в явной или неявной форме воспроизводят релевантные для себя или для описания той или иной социальной ситуации идеи, правила и поведенческие паттерны. Поэтому, исследуя

нарративы, мы можем реконструировать различные ситуации, связанные с человеческим действием.

Проведение современного моделирования сложных адаптивных процессов в экономике может дополняться анализом нарративов. Исследования нарративов необходимы для построения более полной и реалистичной картины социальных и экономических порядков. В современном цифровом мире источником нарративов кроме традиционных средств массовой информации (газет и журналов) и книг (биографий, мемуаров, художественной литературы) может также служить большой массив историй, содержащихся в социальных сетях.

Также в ходе исследований различных социально-экономических процессов в качестве источников нарративов можно использовать материалы глубинных и фокусированных интервью. В рамках исследования институциональных ловушек оптимизации в сфере образования и науки мы использовали анализ нарративов из средств массовой информации и глубинных интервью для идентификации институциональных ловушек. Детальный анализ нарративов позволяет выделять значимые идеи (мораль), которые акторы связывают с процессами оптимизации образования и науки, что важно для понимания процессов формирования и функционирования эволюционирующих правил и институтов.

Литература

- Балацкий, Е. В. (2005). Диссертационная ловушка // *Свободная мысль*, 21 (2), 92–104.
- Бейкер, Р. и др. (2016). *Отчет рабочей группы ААРОР о неслучайных выборках: июнь 2013*. М.: Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение».
- Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум.
- ван Дейк, Т. (2013). *Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М.: Либроком.
- Вольчик, В. В. (2016). Культура, поведенческие паттерны и индуктивное мышление // *Журнал институциональных исследований*, 8 (4), 28–39. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.4.028-039
- Вольчик, В. В., Коротцев, М. А., Маслюкова, Е. В. (2019). Институты и идеология менеджизма в сфере высшего образования и науки // *Управленец*, 10 (6). DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-6-2
- Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В. (2018). Нарративы, идеи и институты // *Terra Economicus*, 16 (2), 150–168. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-2-150-168
- Ефимов, В. М. (2016). *Экономическая наука под вопросом*. М.: Инфра-М.
- Жук, А. А., Фурса, Е. В. (2019). Нарративный анализ институциональных ловушек сферы образования и науки России // *Журнал институциональных исследований*, 11 (1), 176–193. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.1.176-193
- Квале, С. (2003). *Исследовательское интервью*. М.: Смысл.
- Кейнс, Дж. М. (2007). *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: Эксмо.
- Коуз, Р. (2007). Экономика организации отрасли: программа исследований, с. 58–73 // В кн.: Коуз Р. *Фирма, рынок, право*. М.: Новое издательство, 224 с.
- Мизес, Л. (2005). *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории*. М.: Социум.
- Поланьи, К. (2002). Экономика как институционально оформленный процесс // *Экономическая социология*, 3 (2), 62–73.
- Полтерович, В. М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // *Экономика и математические методы*, 35 (2).

- Саймон, Г. (2004). *Науки об искусственном*. М.: Эдиториал УРСС.
- Тамбовцев, В. Л. (2019). Идеи, нарративы и изменения в экономике // *Terra Economicus*, 17 (1). DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-1-24-40
- Тамбовцев, В. Л. (2020). Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности // *Вопросы экономики*, (4), 5–30. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-4-5-30> (In Russian.)
- Akerlof, G. A., Kranton, R. E. (2000). Economics and Identity // *Quarterly Journal of Economics*, 115 (3), 715–753. <https://doi.org/10.1162/003355300554881>
- Akerlof, G. A., Kranton, R. E. (2002). Identity and Schooling: Some Lessons for the Economics of Education // *Journal of Economic Literature*, 40 (4), 1167–1201. <https://doi.org/10.1257/.40.4.1167>
- Akerlof, G. A., Kranton, R. E. (2005). Identity and the Economics of Organizations // *Journal of Economic Perspectives*, 19 (1), 9–32. <https://doi.org/10.1257/0895330053147930>
- Akerlof, G. A., Shiller, R. J. (2009). *Animal spirits: How human psychology drives the economy, and why it matters for global capitalism*. Princeton University Press.
- Akerlof, G. A., Snower, D. J. (2016). Bread and bullets // *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 58–71. <http://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.10.021>
- Alexandrov, Y. I., Krylov, A. K., Arutyunova, K. R. (2017). Activity during learning and the nonlinear differentiation of experience // *Nonlinear Dynamics, Psychology, and Life Sciences*, 21 (4), 391–406.
- Amable, B. (2000). Institutional complementarity and diversity of social systems of innovation and production // *Review of International Political Economy*, 7 (4), 645–687. <https://doi.org/10.1080/096922900750034572>
- Arthur, W. (1994). Inductive reasoning and bounded rationality // *American Economic Review*, 84 (2), 406–411. <https://doi.org/10.2307/2117868>
- Bonaccorsi, A. (2010). New Forms of Complementarity in Science // *Minerva*, 48 (4), 355–387. <https://doi.org/10.1007/s11024-010-9159-6>
- Borins, S., Herst, B. (2018). *Negotiating Business Narratives: Fables of the Information Technology, Automobile Manufacturing, and Financial Trading Industries*. Palgrave Pivot, Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-77923-2>
- Commons, J. R. (1934). *Institutional Economics. Its Place in Political Economy*, 2 vols. New Brunswick and London: Transactions Publishers (Reprinted in 1990).
- Commons, J. R. (1990). *Institutional Economics: Its Place in Political Economy*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203788455>, <https://doi.org/10.4324/9780203788462>
- Czarniawska, B. (2004). *Narratives in social science research*. Sage.
- Dawson, P. (2020). Hashtag narrative: Emergent storytelling and affective publics in the digital age // *International Journal of Cultural Studies*, 136787792092141. <https://doi.org/10.1177/1367877920921417>
- Hayek, F. A. (2013). *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203734001>
- Herrmann-Pillath, C., Bau Macedo, L. O. (2019). *Narratives and economic policy: Theoretical explorations and the Brazilian case*. SSRN Electronic Journal. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3404023>
- Hodgson, G. M. (1997). The ubiquity of habits and rules // *Cambridge Journal of Economics*, 21 (6), 663–684. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.cje.a013692>
- Hodgson, G. M. (2003). The hidden persuaders: institutions and individuals in economic theory // *Cambridge Journal of Economics*, 27 (2), 159–175. <https://doi.org/10.1093/cje/27.2.159>

- Hodgson, G. M. (2004). Reclaiming habit for institutional economics // *Journal of Economic Psychology*, 25 (5), 651–660. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2003.03.001>
- Hodgson, G. M. (2007). Evolutionary and institutional economics as the new mainstream? // *Evolutionary and Institutional Economics Review*, 4 (1), 7–25.
- Holmes, D. R. (2019). *Markets are a function of language: Notes on a narrative economics*. Economics Discussion Papers № 2019-18.
- Kranton, R. E. (2016). Identity economics 2016: Where do social distinctions and norms come from? // *American Economic Review*, 106 (5), 405–409. <https://doi.org/10.1257/aer.p20161038>
- Mirowski, P., Nik-Khah, E. (2017). *The Knowledge We Have Lost in Information*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190270056.001.0001>
- Mirowski, P. (1984). Physics and the “marginalist revolution” // *Cambridge Journal of Economics*, (8), 361–379.
- Mukand, S., Rodrik, D. (2018). *The Political Economy of Ideas: On Ideas Versus Interests in Policymaking*. National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w24467>
- North, D. C. (1989). Institutions and economic growth: An historical introduction // *World Development*, 17 (9), 1319–1332. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(89\)90075-2](https://doi.org/10.1016/0305-750X(89)90075-2)
- North, D., Wallis, J. J., Weingast, B. R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nureev, R., Volchik, V., Strielkowski, W. (2020). Neoliberal Reforms in Higher Education and the Import of Institutions // *Social Sciences*, 9 (5), 79. <https://doi.org/10.3390/socsci9050079>
- Sacco, P. L. (2020). ‘There are more things in heaven and earth...’ A ‘narrative turn’ in economics? // *Journal of Cultural Economics*, 44 (1), 173–183. <https://doi.org/10.1007/s10824-020-09377-1>
- Searle, J. R. (1995). The construction of social reality. Simon and Schuster, 134–135.
- Shiller, R. J. (2017). Narrative Economics // *American Economic Review*, 107 (4), 967–1004. <http://doi.org/10.1257/aer.107.4.967>
- Shiller, R. J. (2019a). Narratives about technology-induced job degradation then and now // *Journal of Policy Modeling*, 41 (3), 477–488. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2019.03.015>
- Shiller, R. J. (2019b). *Narrative Economics*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf0jm5>
- Strambach, S., Pflitsch, G. (2020). Transition topology: Capturing institutional dynamics in regional development paths to sustainability // *Research Policy*, 49 (7), 104006. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.104006>
- Veblen, T. (1992). *The Theory of the Leisure Class*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315135373>
- Wajcman, J. (2015). *Pressed for time: The acceleration of life in digital capitalism*. University of Chicago Press. DOI:10.7208/chicago/9780226196503.001.0001

References

- Akerlof, G. A., Kranton, R. E. (2000). Economics and Identity. *Quarterly Journal of Economics*, 115 (3), 715–753. <https://doi.org/10.1162/003355300554881>
- Akerlof, G. A., Kranton, R. E. (2002). Identity and Schooling: Some Lessons for the Economics of Education. *Journal of Economic Literature*, 40 (4), 1167–1201. <https://doi.org/10.1257/.40.4.1167>

- Akerlof, G. A., Kranton, R. E. (2005). Identity and the Economics of Organizations. *Journal of Economic Perspectives*, 19 (1), 9–32. <https://doi.org/10.1257/0895330053147930>
- Akerlof, G. A., Shiller, R. J. (2009). *Animal spirits: How human psychology drives the economy, and why it matters for global capitalism*. Princeton University Press.
- Akerlof, G. A., Snower, D. J. (2016). Bread and bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 58–71. <http://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.10.021>
- Alexandrov, Y. I., Krylov, A. K., Arutyunova, K. R. (2017). Activity during learning and the nonlinear differentiation of experience. *Nonlinear Dynamics, Psychology, and Life Sciences*, 21 (4), 391–406.
- Amable, B. (2000). Institutional complementarity and diversity of social systems of innovation and production. *Review of International Political Economy*, 7 (4), 645–687. <https://doi.org/10.1080/096922900750034572>
- Arthur, W. (1994). Inductive reasoning and bounded rationality. *American Economic Review*, 84 (2), 406–411. <https://doi.org/10.2307/2117868>
- Baker, R. et al. (2016). *Report of the AAPOR Task Force on Nonprobability Sampling*, June 2013. Moscow: The Public Opinion Foundation Publ. (In Russian.)
- Balatsky, E. (2008). Dissertation trap. *Svobodnaya Mysl*, 21 (2), 92–104. (In Russian.)
- Berger, P., Luckman, T. (1995). *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium Publ. (In Russian.)
- Bonaccorsi, A. (2010). New Forms of Complementarity in Science. *Minerva*, 48 (4), 355–387. <https://doi.org/10.1007/s11024-010-9159-6>
- Borins, S., Herst, B. (2018). *Negotiating Business Narratives: Fables of the Information Technology, Automobile Manufacturing, and Financial Trading Industries*. Palgrave Pivot, Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-77923-2>
- Coase, R. (2007). Industrial organization: A proposal for research, pp. 58–73 / In: Coase, R. *The Firm, the Market, and the Law*. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ., 224 p.
- Commons, J. R. (1934). *Institutional Economics. Its Place in Political Economy*, 2 vols. New Brunswick and London: Transactions Publishers (Reprinted in 1990).
- Commons, J. R. (1990). *Institutional Economics: Its Place in Political Economy*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203788455>, <https://doi.org/10.4324/9780203788462>
- Czarniawska, B. (2004). *Narratives in social science research*. Sage.
- Dawson, P. (2020). Hashtag narrative: Emergent storytelling and affective publics in the digital age. *International Journal of Cultural Studies*, 136787792092141. <https://doi.org/10.1177/1367877920921417>
- Hayek, F. A. (2013). *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203734001>
- Herrmann-Pillath, C., Bau Macedo, L. O. (2019). *Narratives and economic policy: Theoretical explorations and the Brazilian case*. SSRN Electronic Journal. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3404023>
- Hodgson, G. M. (1997). The ubiquity of habits and rules. *Cambridge Journal of Economics*, 21 (6), 663–684. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.cje.a013692>
- Hodgson, G. M. (2003). The hidden persuaders: institutions and individuals in economic theory. *Cambridge Journal of Economics*, 27 (2), 159–175. <https://doi.org/10.1093/cje/27.2.159>
- Hodgson, G. M. (2004). Reclaiming habit for institutional economics. *Journal of Economic Psychology*, 25 (5), 651–660. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2003.03.001>
- Hodgson, G. M. (2007). Evolutionary and institutional economics as the new mainstream? *Evolutionary and Institutional Economics Review*, 4 (1), 7–25.

- Holmes, D. R. (2019). *Markets are a function of language: Notes on a narrative economics*. Economics Discussion Papers № 2019-18.
- Keynes, J. M. (2007). *The General Theory of Employment, Interest and Money. Classic economic thought*. Moscow: Eksmo-Press. (In Russian.)
- Kranton, R. E. (2016). Identity economics 2016: Where do social distinctions and norms come from? *American Economic Review*, 106 (5), 405–409. <https://doi.org/10.1257/aer.p20161038>
- Kvale, S. (2003). *Researching interview*. Moscow: Smysl Publ. (In Russian.)
- Mirowski, P., Nik-Khah, E. (2017). *The Knowledge We Have Lost in Information*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190270056.001.0001>
- Mirowski, Ph. (1984). Physics and the «marginalist revolution». *Cambridge Journal of Economics*, (8), 361–379.
- Mises, L. (2005). *Human Action: A Treatise on Economic Theory*. Moscow.
- Mukand, S., Rodrik, D. (2018). *The Political Economy of Ideas: On Ideas Versus Interests in Policymaking*. National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w24467>
- North, D. C. (1989). Institutions and economic growth: An historical introduction. *World Development*, 17 (9), 1319–1332. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(89\)90075-2](https://doi.org/10.1016/0305-750X(89)90075-2)
- North, D., Wallis, J. J., Weingast, B. R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nureev, R., Volchik, V., Strielkowski, W. (2020). Neoliberal Reforms in Higher Education and the Import of Institutions. *Social Sciences*, 9 (5), 79. <https://doi.org/10.3390/socsci9050079>
- Polanyi, K. (2002). Economics as an institutionalized process. *Economic Sociology*, 3 (2), 62–73. (In Russian.)
- Polterovich, V. (1999). Institutional traps and economic reforms. *Economics and Mathematical Methods*, 35 (2), 3–20. (In Russian.)
- Sacco, P. L. (2020). ‘There are more things in heaven and earth...’ A ‘narrative turn’ in economics? *Journal of Cultural Economics*, 44 (1), 173–183. <https://doi.org/10.1007/s10824-020-09377-1>
- Searle, J. R. (1995). The construction of social reality. Simon and Schuster, 134–135.
- Shiller, R. J. (2017). Narrative Economics. *American Economic Review*, 107 (4), 967–1004. <http://doi.org/10.1257/aer.107.4.967>
- Shiller, R. J. (2019a). Narratives about technology-induced job degradation then and now. *Journal of Policy Modeling*, 41 (3), 477–488. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2019.03.015>
- Shiller, R. J. (2019b). *Narrative Economics*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf0jm5>
- Simon, H. (2004). *Sciences of the Artificial*. Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russian.)
- Strambach, S., Pflitsch, G. (2020). Transition topology: Capturing institutional dynamics in regional development paths to sustainability. *Research Policy*, 49 (7), 104006. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.104006>
- Tambovtsev, V. L. (2019). Ideas, narratives and economic change. *Terra Economicus*, 17 (1), 24–40. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-1-24-40
- Tambovtsev, V. L. (2020). Narrative analysis in economics as climbing complexity. *Voprosy Ekonomiki*, (4), 5–30. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-4-5-30> (In Russian.)

- van Dijk, T. (2013). *Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication*. Moscow: Librokom Publ. (In Russian.)
- Veblen, T. (1992). *The Theory of the Leisure Class*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315135373>
- Volchik, V. V. (2016). Culture, behavioral patterns and inductive reasoning. *Journal of Institutional Studies*, 8 (4), 28–39. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.4.028-039 (In Russian.)
- Volchik, V. V., Maslyukova, E. V. (2018). Narratives, ideas and institutions. *Terra Economicus*, 16 (2), 150–168. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-2-150-168 (In Russian.)
- Volchik, V., Koryttsev, M., Maslyukova, E. (2019). Institutions and ideology of managerialism in higher education and science. *Upravlenets*, 10 (6), 15–27. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-6-2 (In Russian.)
- Wajcman, J. (2015). *Pressed for time: The acceleration of life in digital capitalism*. University of Chicago Press. DOI:10.7208/chicago/9780226196503.001.0001
- Yefimov, V. M. (2016). *Economic Science in Question. Another Methodology, History and Research Practice*. Moscow: Kurs, INFRA-M Publ. (In Russian.)
- Zhuk, A. A., Fursa, E. V. (2019). Narrative analysis of institutional traps of education and science in Russia. *Journal of Institutional Studies*, 11 (1), 176–193. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.1.176-193 (In Russian.)